РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

В конце марта голод стискивал нас в своих клещах уже с невероятной силой. Жизнь в нашем селе опустилась до самого низкого уровня, превратившись в почти животную борьбу за выживание самых приспособленных.

Село перестало существовать как человеческая община. Крестьяне, которым удалось дожить до этого времени, закрылись в стенах своих хат. Люди так ослабели, что и за двери не могли ступить. Каждая хата стала единицей, замкнутой в себе. Взаимные посещения стали редкостью. Все двери были заперты на засов и заставлены изнутри, чтобы никто не мог ворваться в хату. Даже непосредственные соседи мало общались между собой или совсем обходились без этого, люди перестали заботиться друг о друге. Более того, они старались вообще не встречаться. Друзья и даже родственники стали чужими друг другу. Матери бросали своих детей и брат отворачивался от брата.

Некоторые из тех, кто ещё сохранил силы, продолжали ходить добывать пропитание, но как можно незаметнее, втихомолку и украдкой, будто чувствуя себя виноватыми, что они ещё живут.

Но что они могли найти под снегом? На улицах, на полях, на огородах и в садах, на замёрзшей речке – везде валялись замёрзшие тела умерших от голода. Их трупы, в целости сохранённые снегом и морозом, превратились в окаменевшие памятники. Они стали мемориальными скульптурами в память о выморенных голодом детях, мужчинах и женщинах, старых и молодых, обвинительными актами против официальной коммунистической политики и морали.

А снег всё шёл, его сугробы делались всё выше и становились непролазными. Некому было разгребать заносы на дорогах и тропинках. Не стало видно детей, которые в другие зимы охотно играли в снегу, лепили снежных баб, катались на коньках и ходили на лыжах. Прежде, бывало, и коты зимой громче мяукали, и псы бодрее лаяли. А в эту зиму до конца февраля наше село полностью лишилось этих своих домашних друзей: все они либо сдохли от голода, или сами стали добычей для оголодавших людей, или их отстреляли тысячники. Коровники и конюшни стояли пустыми с тех пор, как большую часть скота государство обобществило и его сдали в колхоз. А те несколько коров, которые ещё остались у крестьян, держали под замками и ключами, будто сказочное сокровище. Во дворах, собственно, уже не осталось даже хозяйственных пристроек для скота или для каких-то припасов. Их давно разобрали на дрова. Люди, чтобы согреться, жгли всё, что попало: даже ограды и мебель. Доведённые до отчаяния, крестьяне растащили на дрова брошенные и опустевшие хаты или даже части собственных жилищ.

Смерть основала своё царство в нашем селе. Нигде ни человек не отзовётся, ни животное. А в хатах лежали жители — или мёртвые, или едва живые и неподвижные от голода. Снаружи всё вокруг замёрзло и покрылось снегом. Единственным звуком, который иногда разносился, было завывание и свист ветра. Это представляло разительный контраст с пением наших соловьёв, которых уничтожили тысячники.

Появились и другие жестокости, о которых никто не хотел вспоминать. Все знали, что они случаются, но как будто существовал некий запрет говорить о них открыто. Одной из таких напастей было страшное проклятье людоедства. И теперь об этом все еще очень тяжко вспоминать, а тем более говорить публично.

Но всё-таки следует учитывать непреодолимое принуждение голода, под давлением которого человек может совсем лишиться рассудка и впасть в совершенно звероподобное состояние. Именно это и произошло со многими нашими односельчанами. Более сильные личности, которые дольше прожили на очень небольшом количестве еды или совсем без неё, уже не

чувствовали начальных мук голода. Они либо впадали в бессознательное состояние, либо пребывали в каком-то полусознательном, болезненно-сонном отупении. Но другие реагировали на голод совсем не так. Эти становились словно сумасшедшие. Они теряли все остатки человеческого сочувствия, чести и нравственности. У них появлялись галлюцинации о еде, о чём-то таком, что можно кусать зубами и жевать, успокаивая тем самым жгучие приступы боли в пустом желудке. На них нападала невыносимая жадность, они готовы были впиться зубами во что угодно, даже в собственные руки и плечи или в чужую человеческую плоть.

Первые слухи о настоящем людоедстве распространились в связи с тем, что стали неожиданно и загадочно исчезать люди в селе. Таким был случай с Марией и её одиннадцатилетним братом – детьми Данила, сосланного уже давно как "враг народа". Они исчезли бесследно: пошли в лес за дровами и не вернулись. Больная мать искала их, едва ковыляя от хаты к хате через глубокие сугробы. Соседи детей не видели и ничего не знали, куда они делись. Никто не мог помочь бедной матери. Или была еще вдова, которая уже длительное время жила только тем, что выпросит. Она тоже куда-то делась вместе с дочкой, и никто их больше не видел. Вскоре после этого прошёл слух, что исчезли две другие молодые женщины и девушка.

В то время, как количество загадочных исчезновений увеличивалось, произошёл арест, который нас глубоко поразил. Посадили в тюрьму женщину, обвиняемую в убийстве своих двоих детей.

Другую молодую женщину нашли мёртвой с верёвочной петлёй на шее. Соседи, которые обнаружили эту трагедию, нашли и её причину. В печи нашли мясо трёхлетней доченьки этой женщины.

А однажды утром мой приятель Иван, который тогда жил у нас, вышел из хаты и не вернулся назад ни в тот день, ни в ту ночь. Проходили дни, а о нём не было ни слуха, ни весточки. Иван и я вместе ходили в школу и уже издавна дружили. Отец Ивана, Шост, так и не вернулся из сельской тюрьмы, где я в последний раз его видел. Оттуда его повезли в райцентр, а потом – в Сибирь. А через несколько дней обвинили и арестовали так-

же и мать Ивана. Всё их хозяйство и имущество передали в колхоз, их дети, пятнадцатилетний Иван и его хорошенькая сестра (ей было уже девятнадцать лет) остались беспризорными и отданными на милость соседей.

Как это часто бывает в таких случаях, его сестра вскоре вышла замуж. Для неё это был единственный способ найти пристанище и безопасность для себя и для брата. Соседи считали, что она поступила мудро и восхищались её любовью и вниманием к младшему брату. Они оба пошли жить в хату на холме возле леса, и какое-то время казалось, что благодаря её поступку повезло всем, насколько это было возможно в те времена.

Но, к сожалению, это замужество не длилось долго. Всего через несколько месяцев её арестовали как кулацкую дочку и приклеили ей клеймо "опасного элемента в социалистическом обществе". Организаторы колхоза так боялись крестьянского сопротивления, что старались уничтожать не только упрямых крестьян, но и их жён и детей. А делали это потому, что и малая искра свободолюбия, уцелев, могла бы вспыхнуть пламенем восстания.

Вот так дочка вслед за своими родителями ушла в небытие, а подросток Иван опять оказался предоставлен самому себе. Поскольку он не хотел оставаться с мужем сестры, моя мама пригласила его жить у нас. Так он стал членом нашей семьи, и мы, неприятно поражённые исчезновением парня, очень беспокоились о его судьбе.

Наша тревога усиливалась по мере того, как проходили дни и никакой вести об Иване не было. Наконец мы с Миколой решили отправиться на его поиски.

Хоть Ивану почему-то и не нравился муж сестры Антон и даже его хата, по некоторым причинам он мог бы и возвратиться туда. До коллективизации Антона знали в селе как работящего и порядочного молодого хозяина. Он был добродушный и весёлый, очень доброжелательно относился к детям, и они отвечали ему любовью. Мы хорошо знали его ещё сызмальства, а в зимнее время часто спускались на лыжах с холма, где стояла хата Антона. Он поощрял нас тем, что поддерживал склон в хорошем состоянии, чтобы кататься на лыжах, и даже сделал удобную дорожку для лыж. Если у кого-то ломалась лы-

жа, он умел её починить, а когда мы накатаемся, пускал нас греть замёрзшие руки и ноги у него возле печки. И хоть на том холме порой сильно шумели дети, Антон не имел ничего против этого. Наоборот, наши игры на снегу доставляли ему явное удовольствие.

Но сейчас, когда всё сильнее донимал голод, странные слухи начали распространяться и о хате Антона на холме. Кто-то слышал женский визг в этой хате. А потом второй, ещё более ужасный слух разошёлся вокруг: будто дым из его трубы доносил запах жаренного человеческого мяса. Раздумывая теперь над этими слухами, мы стали усматривать возможную связь между ними и исчезновением Ивана.

Могла ли быть в этих слухах доля правды? И даже если да, то мог ли он причинить что-то такое невероятное брату собственной жены? Мы должны были выяснить этот вопрос раз и навсегда. Вынашивая такие страшные мысли, мы медленно ковыляли по направлению к холму. Микола, значительно младше меня, был бледен от страха. Он пробовал уговорить меня вернуться домой, но моя симпатия к Ивану и беспокойство за его судьбу были сильнее моих страхов. Я должен был всё-таки узнать, жив ли ещё Иван и нужна ли ему помощь.

Итак я упрямо шагал вперёд, в то время как Микола не очень охотно шёл за мной. Мы подходили всё ближе к нетронутой снежной пелене. Оказавшись уже возле хаты, мы вспомнили мамины предостережения, что нужно принять какие-то меры предосторожности. Она посоветовала нам, чтобы Микола остался снаружи, а я чтобы позвал на помощь, если бы внутри кто-нибудь напал на меня. Это отвлечёт внимание нападающего, а Миколе даст знак изо всех сил броситься мне на помощь.

Согласно этого плана, Микола с палкой в руке занял место под окном. Я вошёл в сени, оставив за собой приоткрытую дверь. Здесь меня встретил Антон. Не отвечая на моё приветствие, он показал мне на дверь в первую комнату. Когда я вошёл туда, отовсюду мне бросились в глаза признаки страшной бедности: голые стены, нигде никакой мебели и дикий холод. Внимательней посмотрев на Антона, я увидел, что он буравил в меня взглядом, будто оценивая мои силы.

Это была очень неприятная минута. Его налитые кровью глаза слезились, а пальцы нервно шевелились на длинных руках, которые казались лишь прикреплёнными к телу.

Он меня явно не узнал. Я пробовал напомнить ему, кто я, назвав своё имя и имена своих матери и брата, но напрасно. Антон только всматривался в меня невидяще и молчаливо налитыми кровью глазами.

Этот человек сошёл с ума, подумал я. И тогда с ужасом я понял, что он ведь вдвое старше меня! И ещё я представил себе, что эти всё ещё крепкие и сильные ручищи сделают со мной, если доберутся.

Медленно и осторожно я начал отступать к дверям. Но мои движения, наверное, вывели его из отупения и напомнили что-то, потому что он вдруг произнес:

– Так ты пришёл спросить у меня, где Иван?

Я почувствовал облегчение, когда услышал его голос, который, хоть и был сухим и неприятным, всё-таки уменьшил напряжение.

– Да-да, дядька Антон! – воскликнул я. – Но...

Однако он не дал мне договорить.

– Что за "но"? – сердито прервал он меня.

– Да я... Я хотел спросить, как вы догадались, что я ищу Ивана, – пробормотал я. – Возможно, он...

Я не закончил фразу, поняв вдруг, что сболтнул лишнее, или же не во время.

В это мгновение с ним произошла неожиданная перемена. Он сделался спокойным и вроде более уравновешенным. Он больше не колебался, хотя всё ещё был возбужденным и нервным. Он продолжал шевелить руками, будто не знал, что с ними делать, и поводил глазами: то посмотрит в окно с правой стороны, то снова на окно за собой, и наконец опять остановил взгляд на мне.

Меня снова охватил страх, когда он так стоял, уставившись в меня. Я растерялся на мгновение, и от этого у меня сильно забилось сердце и закружилась голова, а всё тело охватило бессилие. Хотелось визжать и кричать, кричать во весь голос. Но в эту секунду Антон отвернулся и, шагнув в кухню, бросил мне через плечо:

– Я спрошу об этом у мамы.

Но я уже не стал ждать. Холодный пот оросил мне лоб, меня всего трясло. Какой-то внутренний голос приказал мне быстрее удирать, и моё тело послушалось его. Я шмыгнул из комнаты в сени, но опоздал. Антон вдруг выскочил через кухонные двери в сени, и оказался передо мной. В одной руке у него был блестящий для резки мяса нож, а в другой – грязная тряпка.

Увидев это, я заорал: "Спасите!" и потом пытался кричать, даже когда на губах почувствовал прикосновение грязной тряпки. В тот же миг послышался звон разбитого стекла, когда Микола стукнул по стеклу своей палкой. Одновременно с этим всем послышались громкие крики Миколы о помощи. Нападавший на мгновение заколебался и ослабил давление. Я воспользовался этой секундной растерянностью, вырвался из его рук и выбежал из хаты во двор. Мы с Миколой рванули по глубокому снегу так быстро, как только нас ноги несли, и не прекращали бег, пока не оказались дома, в безопасности. Только тогда, заперевшись изнутри, мы осознали, как нам невероятно повезло спастись от смертельной опасности.

Мы решили ничего никому не рассказывать о своём походе в хату на холме. Тайна Иванового исчезновения оставалась неразгаданной до одного апрельского дня.